

Митрополит Иларион: Поэзия Лермонтова бессмертна и всегда востребована

1 ноября 2014 года гостем передачи «Церковь и мир», которую ведет на телеканале «Вести-24» митрополит Волоколамский Иларион, стала генеральный директор Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы Екатерина Юрьевна Гениева.

Митрополит Иларион: Здравствуйте, дорогие братья и сестры! Вы смотрите передачу «Церковь и мир». В октябре исполнилось 200 лет со дня рождения великого русского поэта Михаила Юрьевича Лермонтова – самого загадочного русского гения. Сегодня мы посвящаем передачу ему. У меня в гостях – генеральный директор Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы Екатерина Юрьевна Гениева. Здравствуйте, Екатерина Юрьевна!

Е. Гениева: Владыка, я очень рада, что Вы пригласили меня на Вашу передачу.

Почему я, человек по своему образованию западный, вдруг заинтересовалась творчеством Михаила Юрьевича Лермонтова? Причина, конечно, в его биографии. Даже если его шотландская история – вымысел, все равно, это замечательная история. Лермонтов считал, что его отцовский род восходит к XIV веку, к поэту Шотландии Томасу-прорицателю, который, по легендам, побывал в царстве мертвых, после чего у него открылся пророческий дар. На Эрсилдонских холмах он изрекал свои поэтические пророчества, там он и повстречался с королевой фей, уведшей его сначала на семь лет, а затем уже и навсегда в свое королевство. Но, покидая друзей, он обещал когда-нибудь вернуться поэтом в земной мир. Может его пророчество сбылось в России, когда его далекий потомок Михаил Юрьевич Лермонтов продолжил его поэтическую стезю?

У Лермонтова, на протяжении всей его короткой жизни было поразительно сильно развито чувство рока. Незадолго до гибели поэт предсказал собственную кончину в стихотворении «Сон», в котором точно описал то, что с ним и произошло позже под горой Машук. Такое «тройное зеркало» свойственно уже современной модернистской литературе. Это тоже своеобразный ответ на его роль в мироздании. Он уходит из жизни, потому что вся история с его дуэлью, – история абсолютно странная и мистическая. Блестящий дуэлянт Мишель – Михаил Лермонтов, – конечно, легко мог попасть в своего противника Николая Мартынова, которого он же и спровоцировал на дуэль. Но на дуэли Лермонтов выстрелил в воздух, словно сознательно (страшно это произнести) решив уйти из жизни.

Митрополит Иларион: Я хотел бы уточнить, что когда один стреляет в воздух, предполагается,

что и другой человек тоже может выстрелить в воздух. Думаю, что, может быть Лермонтов и на это рассчитывал. Но я с Вами соглашусь, Лермонтов с юности предчувствовал, что его жизнь будет короткой. Он описал состояние души и крестный путь русского поэта «эпохи безвременья»: «Нет, я не Байрон, я другой ...» И в этом же стихотворении он говорил: «Я начал раньше, кончу ране». Это были пророческие слова.

Он был, как мне кажется, заложником того мира и того круга, в котором жил, в том числе тех представлений, которыми тогда жила и аристократия, и военные люди, и литературная публика. Вызвать человека на дуэль тогда считалось обычным делом. Ведь мы знаем, что два наших величайших поэта – Пушкин и Лермонтов – погибли на дуэли. Это – трагедия, но это объясняется, скажем так, нравами того времени.

Меня же больше интересует та тема, которую Вы затронули в самом начале, – связь между Лермонтовым и вечной жизнью, то есть некое религиозное измерение в его поэзии. Несмотря на то, что он прожил очень короткую жизнь – меньше 27 лет, – он много успел совершить, хотя, наверное, не сказал и десятой части из того, что мог бы сказать, если бы его жизнь продолжилась.

Е. Гениева: Он написал четыреста гениальных стихотворений.

Митрополит Иларион: Он был, на мой взгляд, глубоко религиозным человеком, прекрасно знал Библию. Вся внутренняя жизнь поэта протекала как бы в присутствии и перед взором личного Бога. В своих стихах он обращался к библейским образам, в качестве эпиграфа брал цитаты из Библии. Библейские мотивы у Лермонтова – сложное, многоплановое явление. Их употребление в одном и том же контексте противоречиво и рассчитано на знакомого с Библией читателя, который сумеет разобраться в тонкостях идейно-смысловой направленности библейских мотивов.

Особую роль в поэзии Лермонтова играют исповедально-молитвенные мотивы. У него есть несколько прекрасных стихотворений с одним названием «Молитва», в которых он отражает и свой опыт молитвы, и говорит о взаимоотношениях с Богом не просто в некой риторической форме, но раскрывает интимно-духовные отношения личности к Богу. Именно человеческие, душевные и сердечные тона "Молитвы" определяют характер религиозного чувства поэта.

Лермонтов обнаруживает неистребимую противоречивость своей натуры (и человеческой природы вообще). Одной стороной она навеки прикована к «мраку земли могильной», и «дикие волнения» этого мира безраздельно владеют сердцем поэта. Другой стороной его натура влечется к Богу и знает высшие и вечные ценности. Я думаю, что сочетание в нем, с одной стороны, неизбежного и рокового чувства, что он станет жертвой того мира, в котором жил, а, с другой

стороны, чувства религиозного, делает его абсолютно уникальным.

Е. Гениева: Абсолютно с Вами согласна. Вы говорите, что он был жертвой того окружения, в котором находился. На мой взгляд, он был человеком малопривлекательным. Истории с некоторыми его пассиями показывают, как он легко расстраивал браки, мстя за что-то. Дуэлянт. Вся его гвардейская лирика – своеобразная барковщина.

С другой стороны, это – маска, и перечитывая к 200-летию поэта весь лермонтовский канон, сверяя с его биографией, вдруг понимаешь, что маска светского повесы, остролова, дуэлянта настолько плотно «приросла» к его лицу, что в какой-то момент в этом человеке земное просто взяло верх над духовным. И желая уйти из жизни, предчувствуя свой конец, он осуществил некую драматургию, где «внешний человек» губит в себе «человека внутреннего» – поэта. Но поэт, освободившись от этой маски, уходит в вечность, чтобы потом, может быть, снова к нам вернуться.

Я неслучайно вспомнила в начале нашей встречи о Томасе-прорицателе. Как к нам возвращается Михаил Юрьевич Лермонтов? Он возвращается в духовно-религиозной поэзии. Я была воспитана, благодаря своей замечательной бабушке, на стихотворении «Ангел». Это юношеское стихотворение Лермонтова было написано в память о рано угасшей матери и ее песнях, слышанных поэтом в младенчестве. Невозможно в шестнадцать лет написать такое стихотворение, если ты не слышишь зов бытия и музыку небес.

Митрополит Иларион: Я думаю, что у поэтов есть что-то общее с пророками. Неслучайно наши два великих поэта обращались к образам пророков. Причем, если Пушкин взял за основу образ пророка Исая, то Лермонтов избирает другой образ из Библии – пророка Елисея, который был гонимым и над которым смеялись дети. И неслучайно Лермонтов вслед за Пушкиным говорил о пророческом призвании поэта. Он писал: «Не смейся над моей пророческой тоскою...»

Пророки – это те люди, через которых Бог говорил с людьми. Наши великие поэты и писатели (здесь нельзя не вспомнить Достоевского, который совершенно очевидным образом обладал пророческим даром) конечно, тоже были людьми, которым Бог что-то открывал. Несмотря на их личную греховность, несмотря на их интерес (как у Лермонтова) к демонической тематике, на их падения и взлеты, которыми сопровождалась вся их жизнь, Господь даровал божественную окрыленность их творчеству, чтобы мы научились верно и твердо воспринимать и постигать священную силу их вдохновения.

Их творчество по сей день остается для нас актуальным. Мы любим Лермонтова не потому, что он был идеальным человеком. Он, конечно, был далек от идеала, но это не мешает нам увидеть, узнать в пламени человеческой страсти – очищающий ее огонь божественного вдохновения. Мы

любим Лермонтова, потому что он через свои стихи открывает нам такую глубину внутренней жизни, о которой вообще редко где можно прочесть и услышать. Поэзия такого содержания бессмертна и всегда востребована.

Поэт предчувствовал свою гибель, поэтому пребывал в некоем отстраненном состоянии, считая, что бессмысленно спорить с судьбой. И это тоже проходит лейтмотивом через его творчество. В стихотворении «Выхожу один я на дорогу...» – одиночеству поэта в мире людей противопоставлено единение со всем мирозданием. В нем душевная тончайшая вибрация, совмещающая восторг перед мирозданием с отчужденностью от него, печальной безнадежностью с надеждой на сладостное чудо. Там образ покоя и вечно длящегося блаженства, где он хотел бы забыться и уснуть, но не «холодным сном могилы», а тем сном, в котором и «сладкий голос», поющий о любви, и тихое дыхание героя, и его чуткий слух. Конечно, это глубоко религиозная тема.

Возвращаясь к молитвенной лирике поэта, хотелось бы вспомнить его стихотворение «Молитва», начинающееся со слов: «В минуту жизни трудную теснится ль в сердце грусть, одну молитву чудную твержу я наизусть...» В этом стихотворении с психологической и поэтической проникновенностью передано состояние душевной просветленности. Лермонтов говорит о своем реальном многократно пережитом опыте. И неслучайно стихотворение завершается словами: «С души как бремя скатится, сомненье далеко – и верится, и плачется, и так легко, легко...» Это означает, что он обладал опытом молитвы, которая дарует слезы умиления и приносит человеку облегчение. И он находил утешение в этом опыте, который был неким лейтмотивом его жизни.

Другое стихотворение «Молитва» посвящено его молитве за близкого человека – за девушку, в которую он был влюблен. Стихотворение строится как монолог лирического героя – мольба о счастье любимой девушки, о её душе. В стихах дышит такая благоговейная любовь, что они по праву могут быть названы гимном чистоте, нежности, душевной красоте. Это удивительно тонкое и трогательное стихотворение, где поэт обращается к Божией Матери, и называет Ее «теплой заступницей мира холодного». Мало кто из людей мог бы найти такой образ применительно к Божией Матери. Это значит, что Лермонтов не просто знал о Божией Матери из книг, но чувствовал Ее и любил. Он к Ней обращался. И этот опыт он тоже передает в своих стихотворениях.

Е. Гениева: Вся история жизни Михаила Юрьевича Лермонтова и религиозный контекст его творчества только постепенно открывается людям, которые начинают его читать.

В мои школьные годы мы знали два лучших его стихотворения – «Смерть поэта» о Пушкине и, соответственно, «Парус». Если бы меня спросили, что я сейчас могу сказать о знаменитом стихотворении Лермонтова «Смерть поэта», которое принесло ему массу неприятностей, ссылки, –

я бы ответила, что это одно из самых слабых его стихотворений, потому что в нем нет того звука, который есть в «Молитвах». Это публицистика, которая вполне имеет право на существование, но не более того. А со стихотворением «Парус» – это случай тенденциозного прочтения в рамках школьной программы. Но ведь какими замечательными словами оно оканчивается: «Как будто в бурях есть покой!»

Митрополит Иларион: В поэзии Лермонтова было и публицистическое направление. Так же как и у Достоевского. Но надо сказать, что и в этом направлении у него были явные признаки пророческого дарования. У него есть малоизвестное стихотворение «Предсказание»: «Настанет год, России черный год, когда царей корона упадет...» – мрачное, грозное и поражающее своей беспощадностью. Сегодня можно уже с уверенностью говорить о том, что оно действительно оказалось пророческим, и автор с точностью до мелочей описал в нем события 1917 года: революцию, гражданскую войну. Это пророческое видение не могло открыться человеку, не наделенному даром предвидения будущего и не любившему свою страну.

Я хотел бы еще вспомнить стихотворения, которые Лермонтов пишет в 1841 году, то есть незадолго до своей кончины. Одно из них: «Прощай, немытая Россия, страна рабов, страна господ», – пронизанное публицистическим пафосом и посвященное социальной тематике. Но тогда же он пишет и стихотворение «Родина»: «Люблю отчизну я, но странную любовью», – в котором заявляет о своей кровной связи с русской, родной ему природой, с русским народом, горестями и радостями его жизни и с глубокой поэтичностью говорит о своей любви к Родине. Он называет ее «странной» потому, что любит в своей стране народ, природу, но ненавидит недостатки современного общества. Любовь к Отечеству он понимает истинно, свято и разумно.

Е. Гениева: Это и есть патриотизм. Высокий патриотизм.

Митрополит Иларион: Мне бы хотелось в завершении передачи прочитать одно стихотворение Лермонтова, которое я люблю и считаю одним из лучших, ибо в нем описаны мгновения, превыше всего ценимые поэтом, – когда освобожденный от чувственных томлений, мятежных желаний, от шума и диссонансов внешней жизни «человек внутренний» обретает покой и способность к высшим созерцаниям:

«Когда волнуется желтеющая нива,

И свежий лес шумит при звуке ветерка,

И прячется в саду малиновая слива

Под тенью сладостной зеленого листка;

Когда росой обрызганный душистой,

Румяным вечером иль утра в час златой,

Из-под куста мне ландыш серебристый

Приветливо кивает головой;

Когда студёный ключ играет по оврагу

И, погружая мысль в какой-то смутный сон,

Лепечет мне таинственную сагу

Про мирный край, откуда мчится он, —

Тогда смиряется души моей тревога,

Тогда расходятся морщины на челе, —

И счастье я могу постигнуть на земле,

И в небесах я вижу Бога».

Спасибо Вам, Екатерина Юрьевна, что были гостем нашей передачи.

Служба коммуникации ОВЦС

Источник: <https://mospat.ru/ru/news/50946/>